

Социология общественных отношений

DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-38-47

УДК: 316.6

С. С. Браzeвич

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ МИГРАНТОВ КАК НОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ЛОКАЛЬНОСТЬ, КВАЗИИНСТИТУТЫ ЭТНИЧНОСТИ И ЛОГИКА ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

S. Brazevich. Social networks of migrants as a new communication locality, quasi-institutions of ethnicity and the logic of virtualization of social capital

Аннотация. В статье рассмотрены концептуальные подходы к исследованию виртуальных сообществ как особого вида социального объединения пользователей коммуникационных сетей, характеризуются социокультурные особенности сетевых интернет-сообществ. Проводится анализ социально-сетевых платформ Интернета как новой коммуникативной инфраструктуры этнического дискурса и этнической квазиинституциональной организации социальных практик мигрантов. Показано, как совмещение виртуального и реального плана социального взаимодействия, благодаря развитию коммуникативных платформ Интернета и мессенджеров, меняет идентичность и взаимные практики аккумуляции социального капитала в этнических комьюнити мигрантов. Определено, каким образом трансфер офлайн-сетей мигрантов в формат виртуальных этнокомьюнити ("цифровых диаспор") меняет как природу коммуникаций внутри социальных сетей мигрантов, так и их роль и значение как социального "квазиинститута" для устройства жизни мигранта внутри/вне принимающего сообщества.

Ключевые слова: миграция, социальные сети, социально-сетевые платформы, сетевые сообщества, этнические комьюнити, квазиинституты, социальный капитал.

Контактная информация: 193023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д.21;
E-mail: brazevichss@bk.ru

Abstract. The article considers conceptual approaches to the study of virtual communities as a special type of social association of users of communication networks, and characterizes the socio-cultural features of online Internet communities. An analysis is made of social network platforms of the Internet as a new communicative infrastructure of ethnic discourse and an ethnic quasi-institutional organization of social practices of migrants. It is shown how the combination of a virtual and a real plan of social interaction, thanks to the development of communication platforms of the Internet and instant messengers, changes the identity and mutual practices of accumulating social capital in ethnic migrant communities. It is determined how the transfer of offline networks of migrants into the format of virtual ethnocommunities ("digital diasporas") changes both the nature of communications within the social networks of migrants, and their role and significance as a social "quasi-institution" for arranging the life of a migrant inside/outside the host community.

Keywords: migration, social networks, social network platforms, network communities, ethnic communities, quasi-institutions, social capital.

Contact information: 21 Sadovaya street, Saint Petersburg, 193023;
E-mail: brazevichss@bk.ru

Браzeвич Святослав Станиславович – доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиологии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета

S. Brazevich – Doctor of Sociology, Professor of the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics

© Браzeвич С.С., 2023

В современном информационном обществе роль социальных сетей как новых социальных платформ неуклонно возрастает, поскольку одной из их главных особенностей являются интерактивность и способность постоянно быть в курсе событий. С развитием Интернета социальные сети становятся неотъемлемой частью общественной коммуникации, формирующейся как вокруг отдельных индивидов, так и групп. Исследовательский интерес к проблематике виртуальных сетевых сообществ обусловлен тем, что по мере увеличения количества пользователей Интернета возросла не только социальная значимость сетей, но и проявились многочисленные проблемы, связанные с самоидентификацией личности в этих сообществах, социальными практиками, нормативно-ценностными установками и возможностями социального контроля над ними. Социальные сети уже сегодня выступают для мигрантов в роли агентов модернизации сознания и новой идентичности и, одновременно, как инструмент воспроизводства национальной и религиозной традиционной идентичности. Возникновение сетевых «цифровых диаспор» мигрантов и их взаимодействие в Интернете является не просто следствием развития информационно коммуникативных технологий, но и драйвером трансформации всего комплекса внутриэтнических социальных отношений и организации этнического дискурса.

Вопросами изучения социальных связей в группах людей начали заниматься еще в конце XIX - начале XX века. Уже в конце XIX века Эмиль Дюркгейм и Фердинанд Теннис предвещали появление социальных сетей в своих научных теориях и исследованиях социальных групп. Так, Э. Дюркгейм утверждал, что не все социальные феномены могут быть объяснены с точки зрения свойств отдельных индивидуумов. Ф. Теннис заявлял, что социальные группы могут существовать в форме личных и прямых социальных связей. Георг Зиммель, рассматривая слабо связанные сетевые социальные структуры, в своих трудах заложил основы анализа социальных сетей. Социальными философами этого времени использовался термин «паутина отношений» [1].

В 1930-х гг. Якоб Леви Морено опубликовал серию работ по социометрии, посвященную межличностным и межгрупповым отношениям. Основной инновацией его научных работ принято считать социограммы – схематическое изображение структуры межличностных отношений в малой социальной группе. Своими экспериментами Морено фактически положил начало аналитическому исследованию социальных сетей [2].

В дальнейшем Алекс Бейвлас (1948 г.) и Харольд Левитт (1951, 1963 гг.) сделали еще один важный шаг в развитии теории: они предложили понимать под сетью совокупность позиций, а не индивидов. Итоговая модель отношений между позициями, полученная ими в ходе экспериментов, выглядела как основа или тип структуры. В работах А. Бейвласа впервые появляется упоминание о централи (когда коммуникации осуществлялись через центральную позицию, определенные задачи выполнялись качественнее и быстрее), а также предложена идея о том, что связи между позициями - это потоки ресурсов [3].

Во второй половине XX века существенно расширился системный анализ социальных сетей в работах таких исследователей, как Р. Соломонофф, С. Берковиц, С. Боргэтти, Р. Берт, К. Карли, К. Фост, Д. Нок, П. Марсден, Н. Маллинс, А. Рапопорт, С. Уоссерман, Б. Веллман, Д. Вайт, В. Харрисон и многих других [4].

Понятие "социальная сеть" было впервые опубликовано в 1954 году социологом из "Манчестерской школы" Джеймсом Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», вошедшей в сборник «Человеческие отношения». Он развил подход к исследованию взаимосвязей между людьми с помощью социограмм, то есть визуальных диаграмм, в которых отдельные лица представлены в виде точек, а связи между ними - в виде линий. Дж. Барнс пришел к выводу, что размер социальной сети вокруг одного индивида составляет примерно 150 человек [5, с. 29].

Позже в 1960-е годы математики из Венгрии Пол Эрдос и Альфред Реньи опубликовали восемь статей, описывающих принципы формирования социальных сетей. Они впервые

применили математическую теорию для иллюстрации принципа построения социальных сетей [6].

Американские исследователи Дункан Уоттс и Стивен Строгац развили теорию социальных сетей, и в числе многих других открытий ввели понятие коэффициента кластеризации (clustering coefficient) - степени близости между неоднородными группами (например, когда человек расширяет сеть своих связей за счет людей, которых он лично не знает, но знают его друзья) [7].

С середины 90-х годов XX века этап разработки и совершенствования форм электронного обмена информацией сменился этапом освоения опыта сетевых коммуникаций на базе системы информационного взаимодействия мирового масштаба. Говоря о значимости сетевого ресурса, необходимо упомянуть концепцию «сетевого общества», разработанную Мануэлем Кастельсом [8]. Он определил сетевое общество как некую динамичную систему, в которой источниками власти и производительности стали обработка и передача информации. М. Кастельс определяет сеть как множество завязанных узлов, где содержание узла зависит от конкретной сетевой структуры [9].

В настоящее время в анализе социальных сетей выделяются четыре подхода [10, с. 202]:

1. Структурный подход акцентирует внимание на геометрической форме сети и интенсивности взаимодействий (вес дуг графов). Для интерпретации результатов в данном случае используются структурные теории и теории сетевого обмена.

2. Ресурсный подход рассматривает возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей и дифференцирует акторов, находящихся в идентичных структурных позициях социальной сети, по их ресурсам. В качестве индивидуальных ресурсов могут выступать знания, престиж, богатство, раса, пол. Под сетевыми ресурсами понимаются влияние, статус, информация, капитал.

3. Нормативное направление изучает уровень доверия между акторами, а также нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети и процессы их взаимодействий.

4. Динамический подход акцентирует внимание на изменениях в сетевой структуре с течением времени.

Применительно к Интернету понятие «социальная сеть» впервые использовал Тим О'Рейли - основоположник концепции Web 2.0 в 2005 году, в своей статье «Tim O'Reilly - What Is Web 2.0» [11]. Поскольку социальная сеть формата онлайн является отражением реальной социальной сети и вторична по отношению к ней, то необходимо рассматривать социальную сеть как систему реальных взаимодействий людей в обществе.

Сеть является универсальным способом структурирования социального пространства. Социальные сети способствуют, во-первых, организации коммуникаций между людьми, во-вторых, реализации их базовых потребностей. По форме сетевая коммуникация представляет собой гибрид, полученный в результате скрещивания индивидуальной, групповой и массовой коммуникации. Социальная сеть - это, в первую очередь, интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Автоматизированная социальная среда позволяет общаться группе пользователей, благодаря существованию общих интересов. Комьюнити здесь является неким собранием людей, находящихся во взаимодействии и связанных между собой общими целями интересами в пространстве, в течение определенного времени [12, с. 135].

В современных социологических исследованиях сетевых сообществ фигурируют следующие термины: «virtual community» (виртуальное сообщество), фиксирующее виртуальный характер интеграции людей в киберпространстве; «online community» (онлайновое сообщество) - термин употребляется в противопоставление off-line

сообществам, как указывающий на интерактивность общения и взаимодействия людей в киберпространстве, в реальном времени [13].

Выделяют ряд характерных особенностей коммуникации, опосредованной социально-сетевыми технологиями: виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность. Виртуальность - это характеристика символической реальности, противопоставленной объективному миру и замещающей его с помощью образов, симулякров и аналогов. Интерактивность связана с ориентацией на индивидуальное и избирательное использование информации. В основе гипертекстуальности лежит представление о тексте, который позволяет пользователю самому моделировать и организовывать текстовое пространство удобным для него образом. Глобальность коммуникации определена предельным расширением того пространства, в котором происходят различные виды общения. Креативность обусловлена тем, что виртуальное пространство предоставляет человеку максимум возможностей для конструктивной деятельности, позволяя изобретать множество самопрезентаций. Анонимность социосетевой коммуникации способствует созданию непринужденной атмосферы для самопрезентации. Мозаичность коммуникации основана на отсутствии упорядочивающего центра и упорядочиваемой периферии, в силу чего социокультурное пространство неизбежно образует в некотором роде хаотичные (мозаичные) структуры [12, с. 135].

Таким образом, социальные сети характеризуются потенциально бесконечным числом независимых центров аккумуляции и распространения информации, что определяет, с одной стороны глобальность, демократичность и доступность коммуникации, а с другой, ее бесконтрольность. Интернет-сообщество представляет собой особый вид социального объединения пользователей коммуникационных сетей, интеграция которых возникает на основе общего дискурса в виртуальном пространстве при длительной и эмоциональной вовлеченности в процесс коммуникации. Сетевое сообщество имеет общие цели, способы контроля за поведением своих членов, возможности самопозиционирования [14].

Каким же образом социальные сети конструируют новое виртуальное пространство отношений и коммуникаций мигрантов? Виртуальные социальные сети представляют собой транслокальное социальное пространство новых отношений, основанных на слабых социальных связях и слабой (но удерживающей) лояльности сетевым сообществам. В этом смысле социальные сети Интернета создают давно назревшую как необходимость информационную инфраструктуру для транснациональных сетей и обязательств подключенных к ним мигрантов и этнических меньшинств в рамках многонациональных государств. Концепция национальных государств как географических контейнеров, в которые «упакованы» без остатка все социальные отношения, сегодня сменяется концепцией транснационализма [15]. С позиций транснационалистов, современные миграционные процессы не укладываются в «прокрустово ложе» национально-государственных «контейнеров», а социальные сети и мессенджеры помогают им поддерживать транснациональные отношения. Также меняется сама концепция социального пространства в сторону его большей субъективизации и социального конструктивизма. Здесь речь идет о социальном конструировании различных локальных контекстов, в которых живут люди и которые накладываются с дополнительной «сеткой» значений на физические и географические пространственные конфигурации местности [16, с. 54-55].

По отношению к виртуальным комьюнити, в том числе и этническим, можно говорить о плотности коммуникации, степени вовлеченности и количестве участников, наличии переднего плана самопрезентации и «закулисья» личных частных отношений, отображающихся в переписке в формате личных сообщений, иерархии владельцев группы / публика, администраторов, модераторов и простых участников, центра и периферии

дискурса и дискуссий. Таким образом, виртуальные этнокомьюнити образуют социальное пространство дискурса, со своими законами и правилами социального взаимодействия, существующее наравне с физическим пространством представленности мигрантов [17].

Важным следствием новой мигрантской транслокальности, в виде парадокса, становится то, что производство новых виртуальных транслокальностей требует создания новой виртуальной «коммуникативной локальности», поскольку любой тип общения требует пространственной (пусть даже виртуальной) локализации и временной синхронизации участников. Ключевой проблемой пространственно-временной организации коммуникаций является достижение состояния контакта участников в формате «здесь и сейчас». Оно предполагает совместное времяпрепровождение при наличии компактного пространства открытого «своим»-участникам и закрытого «чужим»-неучастникам. Достижение эффективной коммуникации всегда предполагает производство «коммуникативной локальности» - единства времени и места общения при наличии закрытости для неучастников [18, pp. 217-218]. С целью достижения межличностного контакта на основе вовлечения и солидарности конструируются такие формы «коммуникативной локальности», как различные специальные мероприятия (special events): ритуалы, церемонии, собрания, митинги, форумы. Проблема производства новой превращенной «коммуникативной локальности» в ситуации этнической транслокальности является одной из самых насущных для любых этнических общностей в ситуации миграции из общества исхода в принимающее сообщество.

Для полиэтнических общностей транслокальность провоцирует проблему временной синхронизации и организации пространственной сопряженности / закрытости в едином этническом пространстве групп мигрантов и этнического ядра в обществе исхода. Данная проблема решается для мигрантов в принимающем сообществе через «геттоизацию» и сетевую организацию, т.е. создание социально и пространственно закрытых анклавов на территории принимающего сообщества [19; 20; 21]. Интеграция этнических коммуникаций в диаспору (этническую социальную сеть) и поддержание диаспорой контактов с исторической родиной с использованием набора традиционных коммуникаций позволяет сохранять единое этническое социальное пространство. Другой вариант решения для мигранта - это отрешение от контекста «здесь и сейчас» с обществом исхода, синхронизация и пространственная сопряженность-вхождение с принимающим сообществом в процессе адаптации и аккультурации, при этом проблема «двойного отсутствия» мигранта во многом сохраняется [22; 23].

Ситуация глобализации и появление платформ социальных медиа и социальных сетей меняет возможности этнических мигрантов в плане пространственно-временной организации коммуникаций как между членами этнической сети-диаспоры в принимающем сообществе, так и с родственниками и друзьями в обществе исхода и, наконец, с принимающим сообществом. Появляются возможности организации закрытых межличностных коммуникаций с родственниками и друзьями с использованием социальных сетей и мессенджеров, открытого / закрытого этнического дискурса на темы поддержания этнической идентичности и сетевой поддержки с продуцированием социального капитала и попыток социально-сетевой адаптации в принимающее сообщество. Характеристиками новой «виртуальной коммуникативной локальности» в «виртуальных этнокомьюнити» мигрантов и этнических меньшинств являются низкие барьеры для входа / выхода в данную виртуальную локальность, возможность произвольного управления режимами открытости / закрытости коммуникации с различными партнерами и сообществами внутри виртуальной локальности, манипуляция режимами синхронности / асинхронности общения, организация режима открытости и самопрезентации участников, снижение транзакционных издержек общения,

неиерархичность коммуникации и добровольность / ненасильственность общения в виртуальной локальности [24, с. 33].

В отношении цифровых диаспор [25; 26] это означает, что участники этнокомьюнити могут оградить свою площадку общения от чужаков, сделав группу закрытой или доступной только по инвайту. Кроме этого, любой этнический участник группы в случае некомфортного психологического климата в группе или потери интереса легко может выйти из нее или сделаться недоступным для других участников коммуникации, что невозможно представить в ситуации реальной off-line сетевой коммуникации мигрантов.

Смена коммуникативной локальности приводит к смене отношений и дискурса. Применительно к ситуации виртуальных этнокомьюнити мигрантов это новое социальное пространство коммуникативной локальности создает такие новые фреймы, как принципы / условия вступления и поддержания коммуникации. В их числе [16, с. 60-61]:

1) добровольность входа / выхода (что труднопредставимо относительно пространственных «гетто»-анклавов мигрантов) и, более того, анонимность присутствия;

2) ненасильственность коммуникативного взаимодействия (хотя и в виртуальные группы и дискурс мигрантов может проникать «язык» вражды», но подобный троллинг обычно легко пресекается модераторами виртуальных этнических комьюнити);

3) возможность «параллельного присутствия» и коммуникации в нескольких «параллельных» социальных виртуальных коммуникативных пространствах и форматах или наличие нескольких контуров вовлеченности (в частности, приватная коммуникация в мессенджере, полупубличная коммуникация в сети или чате, беседе; это часто позволяет мигранту незримо присутствовать в коммуникациях с близкими людьми в обществе исхода);

4) квазисинхронность виртуальной коммуникации (вы одновременно и участвуете и не участвуете в конкретном диалоге в мессенджере или дискуссии в группе / паблике, стратегически выбирая момент feedback'a с партнером(ами));

5) виртуальное пространство социальных сетей чрезвычайно комфортно и адаптировано для самопрезентации участников коммуникации и представляет собой место драматургического перформанса, в том числе этнической идентичности;

6) социальные сети также чрезвычайно комфортны и адаптированы для управления уровнем доступа в свои пространства / локальности, позволяя мигрантам приватно общаться в закрытом режиме в чатах и мессенджерах с близкими людьми и родственниками, в рамках полупубличной коммуникации делать группу / паблик закрытой или открытой для общения с этническими соплеменниками (например, по инвайту другого участника);

7) деиерархизация виртуальной локальности и отсутствие статусно-ролевой дистанции в данном сетевом пространстве между участниками сетевого дискурса (виртуальное сетевое общение характеризует выход из ролевых статусов в пространство частичного «панибратства» в отличие от официальных публичных коммуникаций).

Виртуальная коммуникативная локальность, создаваемая социальными сетями, обладает преимуществами сравнительно большего комфорта и адаптированности как под приватное, так и под полупубличное общение мигрантов из цифровых диаспор, однако проигрывает реальному пространству в отношении уровня внимания, эмоционального вовлечения и «эффекта присутствия» участников коммуникации.

Социальные сети-сообщества мигрантов, при всем сходстве с легально закрепленными институтами принимающего сообщества, носят характер «квазиинститутов» [27]. Это обусловливается тем, что они не институционализированы в структуру принимающего сообщества, их функционирование не кодифицировано и не легализовано и в любой момент может быть подвергнуто рестрикции (ограничениям). Подобного рода «неформальность», недостаток легальности и институционального закрепления

функционирования, являются существенной характеристикой мигрантских «квазиинститутов» [28].

Важной особенностью поведения мигрантских сообществ является то, что они ищут «экологические ниши», не колонизированные местными жителями в силу ряда причин, главными из которых являются низкая доходность и непрестижность определенных видов деятельности. Исследователи называют подобного рода рынки и ниши «интерстициальными» (разломы, расселины, изломы, разрывы в социальной «ткани» принимающего сообщества) [29].

С 1990-х гг. в объяснении того, почему мигрантские сообщества сохраняются, а не растворяются путем ассимиляции в принимающем сообществе, социологами начинает использоваться концепция социального капитала. Социальный капитал как научное понятие включает в себе такие составные части общественной организации, как социальные сети, социальные нормы, доверие [30]. Они являются предпосылками координации и кооперации в целях объединения усилий для получения взаимной выгоды. Благодаря социальному капиталу мобилизуются дополнительные ресурсы отношений на базе доверия индивидов друг к другу. Это социальный клей, цементирующий общество посредством социальных единиц [31, с. 74]. Таким образом, социальный капитал служит источником развития сети и неразрывно связан с ее функционированием, может проявлять себя в качестве особого вида реальных и потенциальных ресурсов; свойств и информационной направленности сети.

Дж. Коулмен одним из первых предпринял попытку описать механизмы циркуляции социального капитала в мигрантских сообществах [32]. Он определяет социальный капитал как некоторые элементы социальной структуры, которые акторы используют с целью получения различных прибылей, причем не только монетарного характера. Социальный капитал, согласно Дж. Коулмену, может принимать следующие формы: 1) обязательства и ожидания, 2) информационные каналы, 3) нормы [33, с. 111-112]. Дж. Коулмен на эмпирическом материале показывает, что социальный капитал может быть значимым как субститут первичного человеческого или экономического капитала. Для него интерес представляет капитал, циркулирующий внутри семей мигрантов, и наличие его позитивных следствий для инкорпорации. В качестве дополнительного условия выступает герметичность («closure») социальных отношений агентов, иначе накопленный социальный капитал может просто раствориться в анонимном принимающем сообществе. Социальный капитал принадлежит структуре отношений между акторами. Он не может быть депонирован в материальные средства производства [34].

Исследователь А. Портес для более структурированного анализа ситуации циркуляции социального капитала в мигрантских сообществах выделяет: агентов действия (обладателей капитала); элементы структуры, гарантирующие выполнение обязательств (источник социального капитала); ресурсы, к которым получают доступ с помощью использования социального капитала, и сам социальный капитал. Социальный капитал он переопределяет как коллективные ожидания, влияющие на индивидуальное поведение [35, р. 1323]. В определенных обстоятельствах ожидания могут быть использованы как ресурс. Через подобную структуру обмен между мигрантами на основе неточных обязательств приобретает «добровольно-принудительный» характер [33, с. 112]. Источником социального капитала А. Портес называет ситуативную ограниченную солидарность (bounded solidarity), возникающую из внешне неблагоприятных социальных условий и обеспеченное доверие («enforceable trust»), которое основано на мотивации к нормативному поведению участников обменов в ожидании выгод в долгосрочной перспективе [35, р. 1325]. Соответственно, социальный капитал появляется в таких сообществах, как побочный продукт организованного контроля [33, с. 114].

Американский исследователь сетей мигрантов Дуглас Месси [36] определяет миграцию как динамичный селективный процесс, который инициируют представители средних слоев общества, относительно образованные, мотивированные и обладающие полезной квалификацией, а затем подхватывают менее социально успешные, в результате чего диаспора стратифицируется, в том числе и по временным «волнам» миграции. Инфраструктура этносообщества создается высокостатусными «пионерами» процесса миграции. Д. Месси также указывает на превращение межличностных связей и сетей отношений дружбы и родства с отбывшими в эмиграцию в социальный капитал для отъезжающих мигрантов [37, р. 294]. Поэтому появление виртуальных социальных платформ и социальных сообществ, которые превращают связи родства и дружбы в наглядный граф отношений и минимизируют издержки транзакций, разделенных территориальными границами, сильно упрощает доступ для потенциальных и только переселившихся мигрантов к подобному социальному капиталу.

Таким образом, феномен появления «цифровых диаспор» мигрантов и цифровизации коммуникации между мигрантами является не просто фактором технологических изменений в области средств коммуникации и коммуникационных устройств, но драйвером процессов трансформации всего комплекса внутриэтнических социальных отношений и организации этнического дискурса. Применительно к мигрантам можно говорить о феномене «цифровых мигрантов», использующих цифровые устройства и сеть Интернет для адаптации в принимающее сообщество и поддержания связей с обществом исхода [38]. Положение современного мигранта точно характеризует термин - «connected migrant», т.е. мигрант не столько выключенный из социальных связей, сколько подключенный к нескольким «хабам», оперирующий одновременно в нескольких социальных сетях и несколькими идентичностями [39].

Социальные платформы как новая коммуникационная инфраструктура, во-первых, способствуют трансформации близких сильных связей (между родственниками, друзьями), сохраняя пространство интимной коммуникации, благодаря настройкам приватности и наличию форматов общения в мессенджерах и личных сообщениях внутри сети. Сохранение такого приватного формата коммуникации важно для виртуального общения мигранта с близкими родственниками, оставшимися в обществе исхода или также эмигрировавшими в другие страны. Во-вторых, виртуальные этнокомьюнити расширяют пространство полупубличных сетевых коммуникаций в виртуальную среду, масштабируют слабые связи и способствуют их превращению в социальный капитал. Подобный виртуальный социальный капитал очень ценен в позиции мигранта, поскольку открывает доступ к ресурсам, хорошо оплачиваемой работе и психологической поддержке. Наконец, в-третьих, слабые сетевые связи номинируются в виртуальных этнокомьюнити как «квазиблизкие», что дает мигранту ощущение виртуальной этнической «квазисемьи» с необходимой психологической и эмоциональной поддержкой и вовлеченностью и создает иллюзию близких сильных отношений с этническими «сородичами» [40, с. 57].

Виртуальная социальная сеть представляет собою квазиинститут организации и координации мигрантских социальных практик, эффективно функционирующий на основе масштабирования слабых социальных связей и их конвертации в виртуальный и реальный социальный капитал. Концепт этнической группы-сети как «квазиинститута» позволяет проводить комплексный анализ всей системы функций, особенно по организации досуга мигрантов и бенефиций, которые получают члены «виртуальных этнокомьюнити» от участия в них. Потребность в поддержании статуса, не только в принимающем сообществе, но и в обществе исхода часто принимает формы виртуальной самопрезентации с использованием предметов престижного потребления и «селфи» в дорогостоящих местах отдыха и рекреативного сервиса. Доступность глобальной Сети изменяет статус и самоидентификацию мигранта, он уже не чувствует себя изгоем и маргиналом,

разорвавшим отношения с одним социумом и не вписавшимся в другой, оказавшись в результате в ситуации «двойного отсутствия». Виртуальные коммуникации дают возможность «двойного (и более) присутствия» и множественной идентичности [40, с. 59].

Концепция социального капитала позволяет объяснять стремление к объединению мигрантов в виртуальные этнокомьюнити теми бенефициями, как монетарного, так и информационного и эмоционально-психологического характера, которые они приобретают в результате членства в виртуальных группах [41]. Социальный капитал применительно к социальным сетям трактуют как виртуальную социальную инфраструктуру, позволяющую мигранту - члену сообщества получать различные прибыли. Например, в форме полезных связей и взаимных обязательств, прагматически важной информации и новостей с родины, эмоционально-психологического подкрепляющего общения, возможностей завязывания контактов в офлайн. Социальный капитал виртуальных этносообществ формируется на ограниченной солидарности и обеспеченном доверии соплеменников. Солидарность производна от негативного давления принимающего сообщества, а доверие обеспечивается историей виртуальных контактов и связями пользователя в Интернете, а также характером самопрезентации в его личном аккаунте.

Литература

1. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. - М.: Юрист, 1996. - 607 с.
2. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. - М.: Академический Проект, 2004. - 320 с.
3. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С. 650-675.
4. Чэнь Ди Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 223-257.
5. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 28-37.
6. Erdos P., Renyi A. On the evolution of random graphs // Publ. Math. Inst. Hungar. Acad. Sci. - 1960. Vol. 5. - P. 17-61.
7. Watts D.J., Strogatz S.H. Collective dynamics of «small-world» networks // Nature. - 1998, June. Vol. 393. - P. 440-442.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
9. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - Екатеринбург: У-Фактория, 2014. - 328 с.
10. Жуликов С.Е., Жуликова О.В. Современные подходы к анализу социальных сетей // Гаудеамус. 2015. № 20. С. 200-202.
11. O'Reilly Tim What Is Web 2.0 2005. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 05.12.2022).
12. Сергодеев В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. №1 (113). С. 132-137.
13. Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 366-394.
14. Лешенко А.М. Мультифункциональность сетевых коммуникаций в современном обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 54-58.
15. Степанов А.М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 116-126.
16. Социальная сеть как пространство дискурса идентичности и квазиинститут этничности центральноазиатских мигрантов: коллективная монография / под науч. ред. И.П. Кужелевой-Саган. - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. - 226 с.
17. Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности (сборник материалов исследования). - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. - 126 с.

18. Appadurai Arjun. The production of locality / Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge. Taylor & Francis e-Library, 2005. pp. 217-218.
19. Чернышева Л.А. Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 37-58.
20. Алов И.Н. Афроамериканские гетто: характеристики и типология // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 1. С. 63-77.
21. Явкин Н.В. "Мигрантские кластеры" Самары - политический аспект // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3-2. С. 643-648.
22. Цапенко И. Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 59-69.
23. Сулимин В.В. Стратегия межэтнического и социального взаимодействия, адаптация мигрантов в культурной среде принимающего социума // Аграрный вестник Урала. 2012. № 3 (95). С. 85-87.
24. Глухов А.П. Транслокальность коммуникаций цифровых мигрантов и их локализация и синхронизация в социальных сетях // Образование в полиэтнокультурной среде: состояние, проблемы, перспективы: Материалы VII международного молодежного научно-культурного форума (23-24 марта 2017 г.) / Под науч. ред. Л.В. Ахметовой. - Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета. 2017. - 312 с. С. 31-34.
25. Волков Ю.Г., Кривоусков В.В., Курбатов В.И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 4. С. 102-108.
26. Демченко Е.В. К вопросу о формировании понятийного аппарата "цифровой диаспоры". Краткий историографический обзор // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 3. С. 29-35.
27. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Цифровая диаспора мигрантов: к вопросу о методологии исследования // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (45). № 5. С. 36-49.
28. Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентской концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225-253.
29. Aldrich H.E., Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 111-135.
30. Авраамова Е.М., Ворожейкина Т., Дискин И.Е., Долуцкая С., Колесникова Л., Нестик Т.А., Радаев В.В., Римский В.Л., Шихирев П.Н. Социальный капитал как научная категория // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 5-23.
31. Хайкин М.М. Управление сферой услуг в развитии человеческого капитала. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. - 159 с.
32. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95-120.
33. Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования 2012. № 5 (337). С. 106-116.
34. Portes A. Social Capital: Its Origins and Implications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1-24.
35. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on Social Determinants of Economic Action // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. P. 1320-1350.
36. Massey D.S. et al. Theories of international migration: a review and appraisal // Population and development review. 1993. Vol. 19 (3). P. 431-466.
37. Massey D.S. et al. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Clarendon Press, 2005. - 376 p.
38. Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Дюжиков С.А., Люев А.Х. Мигранты в социальных сетях: уход от реальности или порождение новой цифровой реальности // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 12 (51). № 5. С. 19-29.
39. Diminescu D. The connected migrant: An epistemological manifesto // Social Science Information. 2008. Vol. 47. P. 565-579.
40. Глухов А.П. Этнические виртуальные компьютеры: новое пространство, дискурс идентичности и квазиинститут // Российская психология - 6: тренды и драйверы: сборник научных трудов в честь А.В. Кузьмина. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2018. - 76 с.
41. Бутняков Т.А. Об определении понятия "социальный капитал виртуальных сообществ" // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). С. 238-243.